

Nathaniel
HAWTHORNE
1804 – 1864

Натаниель
ГОТОРН

Алая буква

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г 74

Перевод с английского
Н. Емельяниковой, Э. Линецкой

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Гореликова

- © Н. Л. Емельяникова (наследник), перевод, 2017
- © Н. Л. Фельдман-Линецкая (наследник), перевод, 2017
- © Ю. В. Ковалев (наследник), статья, 1982
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2011
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-02274-4

Глава I ДВЕРИ ТЮРЬМЫ

Перед бревенчатым строением, массивные дубовые двери которого были усеяны головками кованых гвоздей, собралась толпа: бородатые мужчины в темных одеждах и серых островерхих шляпах вперемежку с женщинами, простоволосыми или в чепцах.

Каких бы утопических взглядов на человеческое счастье и добродетель ни придерживались основатели новых колоний, они неизменно сталкивались с необходимостью прежде всего отвести один участок девственной почвы под кладбище, а другой — под тюрьму. Памятуя об этом, можно не сомневаться, что отцы города Бостона выстроили первую тюрьму неподалеку от Корнхилла не намного позже, чем разбили первое свое кладбище на участке Айзека Джонсона, чья могила послужила ядром, вокруг которого впоследствии начали располагаться могилы всех прихожан старой Королевской церкви. Так или иначе, спустя пятнадцать—двадцать лет после основания города исхлестанное непогодой деревянное здание уже потемнело, обветшало, а фасад его стал еще более хмурым и мрачным. На тяжелой оковке дубовых дверей лежал такой слой ржавчины, что, казалось, во всем Новом Свете не было ничего древнее этой тюрьмы. Словно она так и явилась на свет — старой, как само преступление. Перед этим уродливым зданием, между ним и проезжей частью улицы, простиралась лужайка, сплошь

поросшая репейником, щирецей и прочей неприглядной зеленью, которая, по-видимому, нашла нечто родственное себе в самой почве, столь рано породившей на свет угрюмый цветок цивилизации — тюрьму. Но сбоку от дверей, почти у самого порога, раскинулся куст диких роз, усыпанный — дело было в июне — нежными цветками, которые точно предлагали и арестанту, впервые входящему в тюрьму, и осужденному преступнику, выходящему навстречу судьбе, свою хрупкую прелесть и тонкий аромат в знак того, что всеобъемлющее сердце природы, исполненное милосердия, скорбит о его участи.

Этот розовый куст по какой-то странной случайности рос тут с незапамятных времен, и не нам решать, просто ли он сохранился с той поры, когда его окружал дремучий суровый лес, пережив падение склонявшихся над ним могучих дубов и сосен, или же — как утверждают весьма достоверные источники — расцвел из-под ног праведницы Энн Хатчинсон, когда она вступала в двери тюрьмы. Поскольку, однако, этот куст находится на самом пороге нашего повествования, которое берет начало у зловецкого входа, нам остается лишь сорвать один из его цветков и предложить читателю. Мы надеемся, что он послужит символом иного, прекрасного и одухотворенного, цветка на жизненном пути и, быть может, ему удастся смягчить мрачное завершение этого рассказа о человеческой слабости и скорби.

Глава II РЫНОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ

Толпа бостонских жителей, заполнявшая летним утром добрых два столетия назад зеленую лужайку

перед зданием на Тюремной улице, не спускала глаз с окованной железом дубовой двери. Если бы речь шла не о бостонцах или пусть даже и о бостонцах, но другого, более позднего периода в истории Новой Англии, можно было бы с уверенностью сказать, судя по угрюмой непреклонности, застывшей на бородатых лицах этих простых людей, что им предстоит какое-то грозное зрелище — по меньшей мере назначенная на этот час казнь известного преступника, которому законный суд вынес приговор, лишь подтвердивший вердикт общественного мнения. Однако, имея в виду суровость нравов первых поколений пуритан, такой вывод, пожалуй, сомнителен. Виновный мог оказаться попросту нерасторопным беглым рабом или непочтительным сыном, переданным родителями местным властям для наказания плетью у позорного столба. Это мог быть антиномист, квакер или какой-нибудь другой сектант, подлежащий изгнанию из города, или же индеец, хвативший огненной воды белого человека, бродяга и лодырь, которого за буйство на улицах следовало наказать бичом и прогнать в дремучие леса. Но это могла быть и приговоренная к виселице ведьма вроде зловредной старухи, вдовы судьи Хиббинса. В любом случае зрители отнеслись бы к церемонии с должной серьезностью, как подобает народу, для которого религия и закон почти нераздельны: они так тесно переплелись между собой, что самые мягкие и самые суровые акты публичного наказания равно внушали уважение и благоговейный страх. Преступнику нечего было рассчитывать даже на крохи сострадания со стороны зрителей, окружавших эшафот. Поэтому наказание, которое в наши дни грозило бы осужденному лишь насмешками и презрением, облекалось

в те времена достоинством не менее мрачным, чем смертная кара.

Следует также отметить, что в летнее утро, с которого начинается наш рассказ, особенный интерес к предстоящему наказанию проявляли женщины, а их среди зрителей насчитывалось с полдесятка. В старину утонченность была не настолько развита, чтобы чувство благопристойности удержало обладательниц чепцов и юбок с фижмами от искушения потолкаться в толпе, а при случае и протиснуться своей отнюдь не тщедушной персоной к эшафоту, где происходила казнь. Эти жены и дочери уроженцев старой Англии были как в духовном, так и в физическом отношении существами куда более грубого склада, чем их прелестные праправнучки шесть-семь поколений спустя; в длинной цепи наследования румянец, передаваемый матерью дочерям, становился раз от разу все бледнее, красота — все тоньше и недолговечнее, телосложение — все воздушнее, да и характер постепенно утрачивал силу и устойчивость. Менее полувека отделяло женщин, стоявших у входа в тюрьму, от той эпохи, когда мужеподобная Елизавета являла собой вполне достойную представительницу своего пола. Эти женщины были ее соотечественницами, как она вскормленными на говядине и эле своей родины и на столь же мало утонченной духовной пище. Таким образом, солнце в тот день озаряло широкие плечи, пышные формы и круглые цветущие щеки, налившиеся на далеком острове и не успевшие еще похудеть и поблекнуть под небом Новой Англии. А смелость и сочность выражений, на которые не скупилась эти почтенных лет матроны — большая часть из них не блистала юностью, — равно как и

зычность голосов, показались бы в наше время устращающими.

— Я вам вот что скажу, соседки, — разглагольствовала жестколицая особа лет пятидесяти. — Было бы куда лучше для общины, если бы эта злодейка, Эстер Прин, попала в руки почтенных женщин и добрых прихожанок, вроде нас с вами. Как по-вашему, кумушки? Доводись вот хоть нам пятерым, которые стоят здесь, судить шлюху, разве отдалась бы она приговором, что вынесли ей достопочтенные судьи? Как бы не так!

— Люди рассказывают, — подхватила другая, — что преподобный мистер Димсдейл просто убит этим скандалом в его приходе!

— Что правда, то правда, — добавила третья отцветающая матрона. — Судьи, конечно, люди богобоязненные, только уж слишком мягкосердечные. Этой Эстер Прин следовало бы каленым железом выжечь клеймо на лбу. Вот тогда мадам Эстер получила бы сполна! А к платью ей что ни прицепи — такую дрянь этим не проймешь. Она прикроет знак брошкой или еще каким-нибудь бесовским украшением и будет разгуливать по улицам как ни в чем не бывало, вот увидите!

— Ах, что вы! — вмешалась более мягкосердечная молодая женщина, державшая за руку ребенка. — Как ни прикрывай знак, а рана в сердце останется навек!

— К чему пустая болтовня о том, куда лучше ставить отметины и клейма — на платье или на лоб? — воскликнула еще одна участница этого самочинного суда, самая уродливая и самая безжалостная. — Она всех нас опозорила, значит, ее нужно

казнить. Разве это не будет справедливо? И в Писании так сказано, и в своде законов. Пусть же судьи, которые забыли об этом, пеняют на себя, когда их жены и дочери собыются с пути!

— Помилуй нас Бог, матушка! — ответил ей какой-то мужчина из толпы. — Разве женская добродетель только и держится, что на боязни виселицы? Страшные вещи вы говорите! А теперь потише, кумушки. В дверях поворачивается ключ, и сейчас миссис Прин пожалует сюда собственной персоной.

Двери тюрьмы распахнулись, и в них появилась черная, как тень среди ясного дня, мрачная и зловеющая фигура судебного пристава с мечом у пояса и жезлом — знаком его достоинства — в руке. На этом человеке, в облике которого воплощался суровый, беспощадный дух пуританской законности, лежала обязанность распорядиться церемонией исполнения приговора. Левой рукой он сжимал жезл, правой — придерживал за плечо молодую женщину, которую вел к выходу. Однако на пороге тюрьмы она оттолкнула его жестом, исполненным достоинства и мужества, и вышла на улицу с таким видом, будто делает это по доброй воле. На руках она несла ребенка — трехмесячного младенца, который мигал и отворачивал личико от ослепительного дневного света, ибо его существование до тех пор протекало в сером полумраке камеры и других, не менее темных тюремных помещений.

Когда молодая женщина — мать ребенка — оказалась лицом к лицу с толпой, первым ее побуждением было крепче прижать младенца к груди. Побуждение это вызывалось не столько материнской нежностью, сколько желанием скрыть какой-то знак,

прикрепленный или пришитый к ее платью. Однако тотчас же рассудив, что бесполезно прикрывать один знак позора другим, она переложила ребенка на руку и, вспыхнув до корней волос, но все-таки надменно улыбаясь, обвела прямым, вызывающим взглядом своих сограждан и соседей. На лифе ее платья выделялась вырезанная из тонкой красной материи буква «А»¹, окруженная искусной вышивкой и затейливым золототканым узором. Вышивка была выполнена так мастерски, с таким безудержным буйством фантазии, что производила впечатление специально подобранной изысканной отделки к платью, столь нарядному, что хотя оно и было во вкусе времени, однако далеко переступало границы, установленные действовавшими в колонии законами против роскоши.

Молодая женщина была высока ростом, ее сильная фигура дышала безупречным изяществом. В густых темных и блестящих волосах искрились солнечные лучи, а лицо, помимо правильности черт и яркости красок, отличалось особой выразительностью благодаря четкому рисунку лба и глубоким черным глазам. Была в ее внешности также какая-то аристократичность — правда, в духе тогдашних представлений об утонченной женской красоте и проявлявшаяся скорее в осанке и достоинстве, нежели в той непередаваемой, хрупкой и недолговечной грации, которая служит признаком благородства в наши дни. И никогда Эстер Прин не казалась более аристократичной в старинном значении этого слова, чем в ту минуту, когда она выходила из тюрьмы. Люди, встре-

¹ «А» — первая буква английского слова «adulteress» (прелюбодейка). (Примеч. перев.)

чавшиеся с нею раньше и ожидавшие увидеть ее подавленной, омраченной нависшими над ее головой зловедими тучами, были поражены и даже потрясены тем, как засияла ее красота в ореоле несчастья и позора. Впрочем, от впечатлительного зрителя, вероятно, не укрылся бы и неотъемлемый от этой красоты оттенок глубочайшей боли. Причудливое и красочное своеобразие наряда, который она специально для этого случая сшила в тюрьме, руководствуясь лишь собственной фантазией, по-видимому, выражало ее душевное состояние и безрассудную смелость. Но точкой, приковавшей к себе глаза толпы и до того преобразившей Эстер Прин, что мужчинам и женщинам, прежде близко знакомым с нею, показалось, будто они видят ее впервые, была прихотливо разукрашенная и расцвеченная алая буква. В ней словно таились какие-то чары, которые, отторгнув Эстер Прин от остальных людей, замкнули ее в особом кругу.

— Ничего не скажешь, рукодельница она хоть куда! — заметила одна из зрительниц. — Только надо быть уж совсем бессовестной потаскухой, чтобы хвастать этим в такую минуту! Ну скажите, кумушки, разве не насмешка над нашими благочестивыми судьями кичиться знаком, который достопочтенные джентльмены считают наказанием?

— Сорвать бы это роскошное платье с ее грешных плеч! — проворчала самая твердокаменная из старух. — А красную букву, которую она так бесстыдно разукрасила, лучше бы вырезать из рваной фланелевой тряпки, вроде той, что я ношу при простуде.

— Потише, соседки, потише! — прошептала младшая из зрительниц. — Нехорошо, если она нас услы-

шит. Ведь каждый стежок на этой вышитой букве прошел сквозь ее сердце.

Суровый пристав взмахнул жезлом.

— Дорогу, люди добрые! Дорогу, именем короля! — закричал он. — Расступитесь, и я обещаю вам отвести миссис Прин туда, где вы все — взрослые и дети — сможете любоваться ее замечательным украшением с этой самой минуты и до часу дня. Да будет благословенна праведная массачусетсская колония, где порок сразу выводят на чистую воду! Ступайте же, мадам Эстер, покажите вашу алую букву на рыночной площади.

Толпа расступилась и образовала проход. Вслед за приставом и в сопровождении беспорядочной процессии из хмурых мужчин и недоброжелательных женщин, Эстер Прин начала путь к месту наказания. Школьники, горя любопытством, только то и понимая из происходящего, что их на полдня освободили от уроков, стайкой бежали впереди, поминутно оглядываясь, чтобы получше рассмотреть лицо Эстер, ребенка, который жмурился у нее на руках, и позорный знак на груди. В те дни расстояние от тюрьмы до рыночной площади было не так уж велико. Тем не менее осужденной это путешествие показалось, надо думать, достаточно длинным, ибо за надменностью ее осанки скрывались, вероятно, такие муки, точно эти люди, толпой шедшие за ней, безжалостно топтали ее сердце, брошенное им под ноги. К счастью, в нашей природе заложено чудесное, равно как и спасительное, свойство понимать всю глубину пережитых терзаний лишь по остроте боли, возникающей при малейшем воспоминании о них. Эстер Прин почти с безмятежным видом перенесла эту часть своего ис-

пытания и подошла к эшафоту на западном краю площади. Он стоял под самым карнизом первой бостонской церкви и, мнилось, прирос к ней.

Для нас, то есть для двух-трех последних поколений, этот эшафот, представляющий собой часть карательной машины, именуемой позорным столбом, существует лишь как характерная историческая подробность; однако в старину он был столь же важным средством воспитания законопослушных граждан, как гильотина в руках французских террористов. Короче говоря, это был помост, над которым возвышалась рама вышеупомянутого исправительного орудия, так устроенная, что в нее, как в тиски, зажимали голову человека и удерживали на виду у зрителей. В этом сооружении из дерева и железа воплощалась наивысшая степень бесчестия для наказуемого. Каков бы ни был проступок, не существует, мне кажется, кары более противной человеческой природе и более жестокой, чем лишение преступника возможности закрыть лицо от стыда; а как раз в этом и заключалась вся суть наказания. Однако в случае с Эстер Прин, как и во многих других случаях, приговор требовал только, чтобы она простояла определенное время на помосте, но свободно, с незажатой головой — словом, без всего того, что было особенно отвратительно в этой дьявольской машине. Хорошо зная свою роль, Эстер поднялась по деревянным ступеням и предстала перед окружающими, чьи головы были вровень с ее ногами.

Окажись тут, в толпе пуритан, какой-нибудь католик, эта прекрасная женщина с ребенком на руках, женщина, чье лицо и наряд были так живописны, привели бы ему, вероятно, на память мадонну, в изо-

бражении которой соперничало друг с другом столько знаменитых художников; он вспомнил бы — конечно, лишь по контрасту — священный образ непорочной матери того младенца, кому суждено было стать спасителем мира. А здесь величайший грех так запятнал самую священную радость человеческой жизни, что мир стал еще суровее к красоте этой женщины, еще безжалостнее к рожденному ею ребенку.

Это зрелище человеческого греха и позора внушало невольный страх, да и не могло не внушать в те времена, когда общество еще не было настолько развращено, чтобы смеяться там, где следует трепетать. Свидетели бесчестия Эстер Прин были бесхитростные люди. Будь она приговорена к смерти, они с таким же молчаливым одобрением взирали бы на ее казнь, не ропща на жестокость приговора; зато они не отличались и бессердечием, свойственным иному общественному укладу, при котором подобные сцены послужили бы лишь поводом для шуток. Если бы кому-нибудь и пришло в голову побалагурить, такую попытку подавило бы и пресекло в самом начале торжественное присутствие столь немаловажных лиц, как губернатор с несколькими советниками, судья, генерал и местные священники; все они сидели или стояли на балконе молитвенного дома и глядели вниз на помост. Когда такие особы, нисколько не опасаясь уронить свое достоинство или авторитет, принимают участие в подобных зрелищах, можно не сомневаться, что исполнение судебного приговора будет принято со всей серьезностью и произведет должное впечатление. Действительно, зрители были угрюмы и сосредоточены. Несчастливая преступница держалась как нельзя лучше для женщины, которая обречена выно-

сильный напор тысячи безжалостных глаз, устремленных на нее и в особенности на ее грудь. Устоять на ногах под таким напором было почти немислимо. Она приготовилась защищаться от язвительных выходок, уколоу, публичных оскорблений и в ответ на любую обиду дать полную волю своей порывистой и страстной натуре, но это молчаливое общественное осуждение было настолько страшнее, что теперь Эстер Прин предпочла бы увидеть на хмурых лицах насмешливые гримасы. Если бы эти люди — каждый мужчина, каждая женщина, каждый визгливый ребенок — встретили ее взрывами хохота, она смогла бы ответить им горькой и презрительной усмешкой. Но под свинцовым гнетом постигшей ее кары она временами чувствовала, что либо сойдет с ума, либо сию секунду закричит во всю силу легких и бросится с помоста наземь.

Были и такие минуты, когда сцена, в которой она играла главную роль, пропадала из ее глаз или постепенно расплывалась, обращаясь в рой призрачных, бесформенных образов. Болезненно возбужденный ум и в особенности память рисовали ей иные картины, не имевшие ничего общего с этой улицей, с этим бревенчатым городком, граничившим с дремучими лесами Запада; и не эти, выглядывавшие из-под островерхих шляп, а совсем иные лица возникали перед ее взором. Далекое незначительные воспоминания, какие-то ничтожные черточки, отметившие детские и школьные дни, ребяческие игры и ссоры, мелочи домашней жизни в годы девичества роились вокруг нее, переплетаясь с важнейшими событиями последующих лет; каждая картина возникала с такой же яркостью, как предыдущая, словно все они были одинаково важ-

ны или, напротив, в равной степени несущественны. Возможно, в этих фантазмагориях ее душа бессознательно искала спасения от жестокого напора неумолимой действительности.

Так или иначе, помост позорного столба послужил для Эстер Прин наблюдательным пунктом, откуда ей открылся весь путь, проделанный ею с дней счастливого детства. Стоя на этом постыдном возвышении, она вновь увидела родную деревню в старой Англии и отчий дом — убогий, полуразвалившийся дом из серого камня, на фронтоне которого все еще был виден полустертый щит с гербом — знак того, что владелец принадлежит к старинному дворянскому роду. Она увидела облысевшую голову отца и его патриархальную белую бороду, ниспадавшую на старомодные елизаветинские брыжи, потом — лицо матери, тот исполненный заботливой тревожной любви взгляд, который навсегда сохранился в памяти Эстер и много раз кротко предостерегал — даже после того, как мать умерла, — от ошибок на жизненном пути. Она увидела и свое собственное лицо таким, каким оно некогда представало перед нею, когда она рассматривала его в мутном зеркале, словно освещенном изнутри сиянием ее девичьей красоты. И еще одно лицо она увидела — лицо немолодого уже мужчины, бледное, худое лицо ученого, с глазами тусклыми и покрасневшими от мерцания свечи, при которой он изучал бесчисленные фолианты. Однако эти тусклые глаза обладали удивительной пронизательностью, когда их владелец хотел заглянуть в человеческую душу. Женская наблюдательность Эстер Прин восстановила даже некоторую неправильность телосложения этого мыслителя и аскета, у которого левое плечо было

выше правого. Потом картинная галерея памяти развернула перед ней путаницу узких улиц, высокие серые дома, огромные соборы и общественные здания столь же древнего годами, сколь удивительного по архитектуре города на континенте, где ее, уже связанную со сгорбленным ученым, ожидала новая жизнь — новая, но питаемая изъеденной временем стариной, подобно пучку зеленого мха на развалинах каменной стены. И наконец, вместо цепи сменяющихся картин — снова рыночная площадь бревенчатого пуританского поселка, запруженная горожанами, угрюмо наблюдающими, как она — да, она, Эстер Прин, — стоит с младенцем на руках у позорного столба, а на груди ее, окруженная причудливым золотым узором, алеет буква «А»!

Не сон ли это? Она так неистово прижала к себе ребенка, что он закричал; потом опустила глаза на алую букву, чтобы убедиться: и ее ребенок, и этот позор действительно существуют. Да! Они существовали, все остальное — бесследно исчезло!

Глава III ВСТРЕЧА

Острое ощущение всеобщего недоброжелательного внимания перестало мучить носительницу алой буквы, едва лишь она заметила в задних рядах толпы человека, который тотчас же непреодолимо овладел ее мыслями. Там стоял какой-то индеец в национальной одежде; однако появление краснокожего в английской колонии было не такой уж редкостью, чтобы

привлечь в эту минуту взгляд Эстер Прин, а тем более заставить ее забыть обо всем остальном. Но рядом с индейцем стоял белый — по-видимому, его спутник, — костюм которого представлял собой причудливую смесь одежды цивилизованной и первобытной.

Он был невысок ростом и, несмотря на изборожденный морщинами лоб, явно не стар годами. Одухотворенное лицо свидетельствовало об утонченном долгими занятиями уме, который сказался и на физическом облике, наложив на него свою печать. Хотя нарочитая небрежность разномастного костюма, судя по всему, должна была скрыть или смягчить некоторые особенности его телосложения, Эстер Прин сразу заметила, что одно плечо у него выше другого. Стоило ей увидеть это худое лицо и слегка искривленную фигуру, как она снова судорожно прижала ребенка к груди с такой силой, что несчастный младенец опять запищал от боли. Мать не обратила на это никакого внимания.

Едва появившись на площади и незадолго до того, как Эстер Прин заметила его, пришелец бегло взглянул на нее. То был рассеянный взгляд человека, склонного к самоуглублению и привыкшего придавать внешним событиям значение лишь в той мере, в какой они были связаны с его внутренней жизнью. Но почти сразу этот взгляд стал пристальным и пронизывающим. Судорога ужаса исказила лицо незнакомца и, задержавшись на миг, исчезла, словно змея скользнула, извиваясь между разбросанных камней. Внезапное душевное волнение омрачило его черты, но усилием воли он с такой быстротой овладел собою, что в следующую минуту уже казался бесстрастным; вскоре стерлись и последние следы волнения, скрытого те-

перь в глубине души пришельца. Встретившись с устремленными на него глазами Эстер Прин и увидев, что она как будто узнает его, он медленно, спокойно поднял палец и приложил его к губам жестом, призывающим к молчанию.

Потом, тронув за плечо стоявшего рядом горожанина, пришелец с церемонной учтивостью спросил:

— Не скажете ли вы мне, сударь, кто эта женщина и почему она выставлена здесь на позорище?

— Видать, приятель, вы чужой в наших краях, — ответил горожанин, удивленно разглядывая вопрошавшего и его краснокожего спутника, — не то вы, конечно, знали бы о миссис Эстер Прин и ее дурных делах. Из-за нее было много шума в приходе преподобного мистера Димсдейла.

— Вы угадали, — подтвердил незнакомец, — я здесь впервые. Помимо воли мне пришлось много скитаться, меня постигли тяжкие бедствия на суше и на море, и я долгое время пробыл в рабстве у язычников к югу от здешних мест. Вот этот индеец привел меня сюда, чтобы получить выкуп. Не будете ли вы так любезны и не расскажете ли, кто такая Эстер Прин — я, кажется, правильно расслышал ее имя? — и какие прегрешения привели ее к позорному столбу.

— Поистине, приятель, вы должны радоваться от всей души, что после таких испытаний и жизни среди дикарей попали наконец в страну, где порок преследуют и наказывают в присутствии властей и народа, — в нашу благочестивую Новую Англию. Так вот, сэр, эта женщина была женой одного ученого, который родился в Англии, но долго жил в Амстердаме, а потом, несколько лет назад, задумал переплыть океан и попытать счастья у нас, в Массачу-

сетсе. Он послал жену вперед, а сам задержался, чтобы закончить какие-то важные дела. И подумайте, сэр, она прожила два года в Бостоне и не получила ни единой весточки от этого ученого джентльмена, мистера Прина. Ну и тогда молодая женщина, за которой некому было присмотреть...

— Так, так! Все понятно, — перебил его незнакомец, горько улыбаясь. — Если человек, о котором вы мне рассказали, был и впрямь так учен, ему следовало все это знать наперед из своих книг. А не скажете ли вы мне, кто отец ребенка, которого миссис Прин держит на руках? Младенцу, насколько я могу судить, не больше трех-четырёх месяцев...

— По правде говоря, приятель, это так и осталось тайной, и не нашлось пока мудреца, который разгадал бы ее, — ответил горожанин. — Мадам Эстер наотрез отказалась назвать его имя, и судьи зря ломали себе голову. Очень может быть, виновник стоит среди нас и любитесь этим невеселым зрелищем, забыв о том, что пусть он людям неведом, зато Бог его видит.

— Не мешало бы ученому самому пожаловать сюда и заняться этой тайной, — еще раз улыбнувшись, заметил незнакомец.

— Конечно, это было бы лучше всего, если только он жив, — ответил горожанин. — Так вот, сударь, наши массачусетские судьи приняли во внимание, что такую молодую и красивую женщину, вероятно, сильно искушали, прежде чем она пала, и в особенности что муж ее, надо думать, давно лежит на морском дне, поэтому они и не решились поступить с ней по всей строгости нашего справедливого закона. За такое преступление положена смерть. Но

они по своей снисходительности и милосердию постановили, что миссис Прин должна простоять всего-навсего три часа на помосте у позорного столба, а затем, до конца жизни, носить на груди знак бесчестья.

— Мудрый приговор! — проронил незнакомец, задумчиво склонив голову. — Таким образом, она будет ходячей проповедью о пагубности греха, до той поры пока постыдный знак не отметит ее могилу. А все же меня возмущает, что соучастник греха не стоит рядом с нею на эшафоте. Но он будет найден! Будет! Будет!

Он вежливо поклонился общительному горожанину, потом прошептал несколько слов своему спутнику-индейцу, и оба они начали прокладывать себе путь сквозь толпу.

Все это время Эстер Прин, стоя на помосте, не спускала с незнакомца пристального взгляда — такого пристального и напряженного, что минутами весь остальной зримый мир исчезал из ее глаз и она оставалась как бы наедине с этим человеком. Но свидание с ним наедине было бы, вероятно, еще страшнее, чем подобная встреча, когда горячее полуденное солнце освещало и жгло ее пылавшие стыдом щеки, когда на груди ее алел постыдный знак, а на руках лежал рожденный в грехе младенец, когда толпа, собравшаяся словно на праздник, рассматривала лицо, которое следовало бы видеть лишь в церкви, полускрытым добродетельной вуалью, да при спокойном мерцании очага, в счастливом полумраке родного дома. Как ни ужасно было все, что окружало ее, но присутствие тысячи свидетелей она ощущала как некую защиту. Лучше стоять здесь, где их разделяет столько людей, чем встретиться с ним с глазу на

глаз — он и она, и больше никого. Позорная церемония ограждала ее от этого, и она страшилась минуты, когда ограда исчезнет. Погруженная в свои мысли, она не сразу услышала голос, повторявший ее имя, голос, который звучал торжественно и так громко, что прокатился по всей площади.

— Внемли мне, Эстер Прин!

Как уже было сказано выше, прямо над помостом, на котором стояла Эстер Прин, был расположен балкон, вернее — открытая галерея молитвенного дома. С этой галереи в присутствии высших должностных лиц и со всей торжественностью, принятой тогда при публичных церемониях, оглашались постановления властей. Отсюда, восседая в кресле под охраной почетного караула из четырех сержантов, вооруженных алебардами, смотрел на описываемую нами сцену сам губернатор Беллингем — пожилой джентльмен, чье лицо, изрезанное морщинами, говорило о нелегком жизненном пути. Шляпа губернатора была украшена темным пером, а из-под плаща, окаймленного узорным шитьем, виднелся черный бархатный камзол. Мистер Беллингем был достойным представителем и главой общины, обязанной своим возникновением, развитием и нынешним процветанием не порывам юношей, а суровой, закаленной энергии зрелых мужей и хмурой мудрости старцев, достигших столь многого именно потому, что они рассчитывали и надеялись на столь малое. Прочие важные особы, окружавшие губернатора, отличались полной достоинства осанкой, характерной для тех времен, когда любые формы власти считались священными и ниспосланными свыше. Разумеется, они были честны, справедливы и умудрены опытом. Однако во всем мире едва ли удалось бы

насчитать еще столько же людей, наделенных добротелью и разумом и одновременно так мало способных разобратся в заблудшей женской душе и распутать переплетенные в ней нити добра и зла, как эти непреклонные мудрецы, к которым обернулась теперь Эстер Прин. Видимо, она понимала, что только в более вместительном и горячем сердце народа можно было отыскать немного сочувствия; должно быть, поэтому, обратив взор на галерею, несчастная женщина побледнела и затрепетала.

Голос, который привлек ее внимание, принадлежал достопочтенному и прославленному Джону Уилсону, старейшему бостонскому священнику; подобно большинству его собратьев в те времена, он был ученым-богословом, а сверх того еще и добрым, отзывчивым человеком. Последние свойства, впрочем, были менее развиты, нежели интеллектуальные дарования, и он скорее стыдился их, чем ценил. Он стоял на балконе, его седые волосы выбивались из-под круглой черной шапочки, а серые глаза, привыкшие к полумраку рабочей комнаты, щурились от ослепительного солнца совершенно так же, как глаза ребенка Эстер. Похожий на потемневший гравированный портрет из старинного сборника проповедей, он не больше портрета имел право вот так вмешиваться в вопросы, касающиеся человеческих грехов, страстей и страданий.

— Эстер Прин, — сказал священник, — я добивался от юного моего собрата, чьим проповедям ты имела счастье внимать, — тут мистер Уилсон положил руку на плечо бледному молодому человеку, стоявшему рядом с ним, — я пытался, повторяю, внушить этому благочестивому юноше, что ему следует

обратиться к тебе здесь, перед лицом небес, перед нашими мудрыми и справедливыми правителями, на глазах у всего народа, и во всеуслышание сказать, как мерзостен и черен твой грех. Зная тебя лучше, чем я, он может лучше судить о том, ласковые или суровые слова нужны для того, чтобы поколебать твою нераскаянность, твое упрямство и заставить открыть имя соблазителя, который вверг тебя в эту страшную пропасть. Однако с чрезмерной мягкостью, присущей юному возрасту — хотя брат Димсдейл и умудрен не по летам, — он возражал мне, что было бы насилием над самой природой женщины принуждать ее, в присутствии множества людей и среди бела дня, раскрыть сокровенные тайны сердца. На деле же, как я пытался ему доказать, позор не в оглашении греха, а в самом грехопадении. Что ты мне ответишь на сей раз, брат Димсдейл? Кто из двоих, ты или я, обратится к бедной заблудшей душе?

Среди сановных зрителей и священников, занимавших места на галерее, поднялся ропот, смысл которого выразил губернатор Беллингем, возвысив голос, хотя и повелительный, но смягченный уважением к молодому пастору.

— Достопочтенный мистер Димсдейл, — сказал он, — на вас лежит главная ответственность за душу этой женщины. Ваш прямой долг поэтому — склонить ее к признанию, которое было бы следствием и доказательством искренности раскаяния.

После этого прямого обращения взоры толпы сосредоточились на преподобном Димсдейле — молодом священнике, который, окончив один из лучших английских университетов, привез в наш дикий лесной край последнее слово учености своего времени. Его

СОДЕРЖАНИЕ

АЛАЯ БУКВА

ТАМОЖНЯ. Вступительный очерк к роману «Алая буква» . . .	5
Глава I. ДВЕРИ ТЮРЬМЫ	57
Глава II. РЫНОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ	58
Глава III. ВСТРЕЧА	70
Глава IV. СВИДАНИЕ	81
Глава V. ЭСТЕР ЗА РУКОДЕЛИЕМ	90
Глава VI. ПЕРЛ	101
Глава VII. У ГУБЕРНАТОРА	113
Глава VIII. ЭЛЬФ И ПАСТОР	122
Глава IX. ВРАЧ	133
Глава X. ВРАЧ И БОЛЬНОЙ	145
Глава XI. ТАЙНИКИ СЕРДЦА	157
Глава XII. ПАСТОР НЕ СПИТ	166
Глава XIII. ЕЩЕ РАЗ ЭСТЕР	179
Глава XIV. ЭСТЕР И ВРАЧ	189
Глава XV. ЭСТЕР И ПЕРЛ	197
Глава XVI. ПРОГУЛКА В ЛЕСУ	205
Глава XVII. ПАСТОР И ПРИХОЖАНКА	213
Глава XVIII. ПОТОК СОЛНЕЧНОГО СВЕТА	224

Глава XIX. РЕБЕНОК У РУЧЬЯ	232
Глава XX. ПАСТОР В СМЯТЕНИИ	240
Глава XXI. ПРАЗДНИК В НОВОЙ АНГЛИИ	254
Глава XXII. ШЕСТВИЕ	265
Глава XXIII. ТАЙНА АЛОЙ БУКВЫ	277
Глава XXIV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	288
ТВОРЧЕСТВО НАТАНИЕЛЯ ГОТОРНА. <i>Ю. Ковалев.</i>	296

Готорн Н.

- Г 74 Алая буква : роман / Натаниель Готорн; пер. с англ. Н. Емельяниковой, Э. Линецкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 320 с. — (Азбука-классика). ISBN 978-5-389-02274-4

Натаниель Готорн (1804—1864) — классик американской литературы, писатель-романтик. Он входит в плеяду писателей, стоявших у истоков национальной американской культуры и определивших ее дальнейшее развитие. «Алая буква» (1850) — первый и самый знаменитый роман Готорна.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

НАТАНИЕЛЬ ГОТОРН
АЛАЯ БУКВА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Александра Савастени
Корректоры Алевтина Борисенкова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 03.08.2017. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-7469-04-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят
известнейшие российские издательства: «Азбука»,
«Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, pop-fiction, художественные
и развивающие книги
для детей, иллюстрированные энциклопедии
по всем отраслям знаний,
историко-биографические издания.
Узнать подробнее о наших сериях
и новинках вы можете на сайте
Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки
из новых книг, узнать о различных мероприятиях
и акциях, а также заказать наши книги через
интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01.
E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru,
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема
рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors